Ленинская смена
г. Алма-Ата
16 ДЕКАБРЯ 1983 ГОДА

УКАЗ
ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О НАГРАЖДЕНИИ ПИСАТЕЛЯ БЕКХОЖИНА Х. Н. ОРДЕНОМ ДРУЖБЫ НАРОДОВ

За заслуги в развитии советской литературы и в связи с семидесятилетием со дня рождения наградить писателя **Бекхожина** Халижана Нургожаевича орденом **Дружбы народов**.

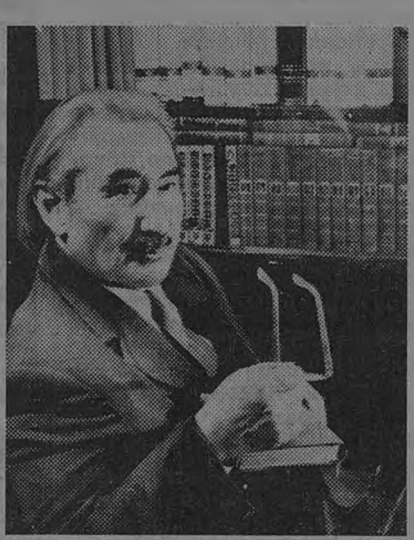
Председатель Президиума Верховного Совета СССР — **Ю. АНДРОПОВ.**

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР — **Т. МЕНТЕШАШВИЛИ.**

Москва, Кремль.
14 декабря 1983 г.

«ВСТРЕЧАЯ 70-Ю ЗИМУ...»
К ЮБИЛЕЮ ХАЛИЖАНА БЕКХОЖИНА

О МНОГОМ МОЖЕТ ЗАДУМАТЬСЯ ЧЕЛОВЕК, МНОГИМ МОЖЕТ ПОДЕЛИТЬСЯ С ЛЮДЬМИ, КОГДА ОН ВСТРЕЧАЕТ СВОЮ СЕМИДЕСЯТУЮ ЗИМУ, КОГДА ЗА ПЛЕЧАМИ У НЕГО БОЛЬШАЯ ЖИЗНЬ, КОГДА РАЗОШЛИСЬ ПО СВЕТУ БОЛЕЕ СОРОКА ЕГО КНИГ. НАШЕ ИНТЕРВЬЮ — С ЛАУРЕАТОМ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРЕМИИ КАЗАХСКОЙ ССР ПОЭТОМ ХАЛИЖАНОМ БЕКХОЖИНЫМ.



— Халижан Нургожаевич, ваше творчество разнообразно: здесь и сборники лирических стихов, и большие эпические полотна, драматургические произведения и литературно-критические эссе, переводы и очерки воспоминаний. И все же, что из написанного вам ближе? Считаете ли себя лириком или эпиком?

— Что может быть для поэта прекраснее, чем прочесть стихотворение, отражающее мир его переживаний, и увидеть благодарный отклик слушателей, разделивших его чувства. Поэт не может не быть лириком, это постоянное состояние его души. И все же, за свою жизнь я написал более 20 поэм, потому что не мог не обратиться, не мог не попытаться осмыслить историю своего народа, его национальную культуру, его фольклор.

— Интерес к эпосу пришел к вам с возрастом или вы сразу начали с эпических произведений?

— Я с молодости интересовался историческими легендами, читал поэмы на исторические темы классиков — Байрона, Пушкина, Лермонтова, многих восточных поэтов. Мои поэмы почти все на исторические темы. Уже сразу после войны я написал две маленькие поэмы, среди них «Сыр-Дарьинская легенда», которая была замечена Александром Фадеевым. На XII пленуме Союза писателей СССР он отметил ее в числе лучших произведений послевоенного периода. Видимо, это во многом способствовало тому, что уже в 1949 году моя книга «Под звездами Москвы» вышла в столице.

С малых лет в наших северных павлодарских краях я слышал песню «Дударай». Мне казалось, что в ней заложена какая-то волнующая тайна, и мне захотелось узнать автора. Когда в 1950 году (я тогда уже жил в Алма-Ате) Мария Егоровна Рекина приехала на съезд композиторов Казахстана, я встречал ее на аэродроме, пригласил к себе, мы долго беседовали — несколько дней подряд. Она рассказала историю своей любви к казахскому джигиту Дюйсену, об их борьбе с религиозными предрассудками за свою любовь, о том, какой дружной семьей испокон веков жили простые люди — русские, казахи — в степи. Все это и легло в основу моей поэмы «Мария, дочь Егора». О ней хорошо отозвались Сабит Муканов, Мухтар Ауэзов.

Но я считаю, что если мне удалось что-то сделать в эпическом жанре, то только потому, что всю жизнь передо мной горит неугасимая творческая звезда Ильяса Джансугурова. Его поэмы я до сих пор считаю непревзойденными в казахской эпической поэзии. Именно его пример и вдохновил меня на освоение исторической, музыкальной темы.

— Кого вы считаете своими учителями?

— Прежде всего Сабита Муканова. Он мой учитель и в прямом и в переносном смысле. Он преподавал у нас в институте, и великой честью для меня было его приглашение участвовать в создании учебника казахской литературы. Не могу не вспомнить словами благодарности Сакена Сейфуллина. Он, известный поэт, мой выдающийся современник, в 30-е годы по-доброму отозвался о первой моей публикации. С малых лет я влюблен в поэзию Султана-Махмута Торайгырова — моего земляка, большого казахского поэта. А о значении Абая в жизни каждого из нас говорить не приходится — он своим гением поднимает нас, он принес в степь голос Пушкина, Лермонтова. И, переводя этих и других русских классиков на казахский язык, я оглядываюсь на пример Абая. Помню, как-то на Лермонтовских чтениях встал один из грузинских поэтов и стал говорить, что Лермонтов будет жить, пока будет жить Кавказ. Ничего не оставалось, как сказать, что Лермонтов будет жив, пока жив Казахстан, потому что на казахский язык он был переведен много раньше, чем на грузинский. И я прочел «Горные вершины» Абая на казахском языке.

Поэт живет, пишет, и всегда он — ученик великого учителя по имени Жизнь. И хорошо, если бы этот учитель нам не изменял. Об этом хорошо сказал мой друг Михаил Луконин: «Возьми нас, Жизнь, к себе в ученики».

— А как складываются у вас отношения с учениками? Есть у вас ученики?

— Ну, наверное, ученики должны сами сказать свое слово об учителе. Вот здесь, на моем столе, множество книг с автографами молодых поэтов. Я благодарен им за внимание, сам же сейчас не хочу никого выделять, но скажу, что прочитываю все выходящие сборники молодых и собираюсь выступить на обсуждении итогов этого поэтического года. Вот там и поговорим... А настоящих учеников, как и учителей, определяет время. Жалко, что порой не успеваешь сказать: «Спасибо, Учитель!».

— В «Литературной газете» както было сказано, что Халижану Бекхожину повезло — его переводили большие русские поэты.

— Да, начиная с Павла Шубина — Смеляков, Луконин, Сельвинский. Сейчас вот Соколов и Цыбин. Мне особенно хочется сказать о переводе Владимиром Соколовым поэмы «Аксак-Кулан». Замечательно он перевел. Я писал на историческую тему: XII век, нашествие Чингиз-хана и роль народного таланта в спасении родины. Мне хотелось передать язык того времени, той эпохи. И вот я читаю у Соколова каждую строку и удивляюсь, и радуюсь — это действительно мои строки, так он сумел все донести. Еще вот Сидоренко перевел поэму «Мария, дочь Егора», Смеляков перевел моих стихов немного, но хорошо. Кстати, он был редактором первой моей московской книжки.

В этом году выходит трехтомник моего избранного на казахском языке. Это большая радость для меня. Вообще год был тяжелый, я болел, но все же написал более тысячи строк. Сейчас они переводятся на русский язык. Одно из последних стихотворений называется «Встречая 70-ю зиму». Поэты, как известно, любят встречать весну, а я — зиму. Может быть, потому, что родился зимой, в канун Нового года. Это всегда заставляет задуматься, подвести итоги. И я вспоминаю о зиме, которую мне приходилось встречать аульным учителем со своими учениками в 30-е годы. Зимой у нас на Павлодарщине метели, бураны, а мы на быках добирались до жилья... И я вспоминаю Новый год, который мне приходилось встречать в освобожденной Праге. Всю войну я был военным журналистом. А тут уже война подходила к концу, и горько нам было за товарищей, которые погибли, не встретили Новый год. Вот обо всем этом, о своей жизни я думал, когда писал стихотворение «Встречая 70-ю зиму». Но, наверное, все мои стихи этого года — это раздумья о прожитой жизни. Что поделаешь — возраст к тому обязывает. Хочется мне написать книгу воспоминаний — об отце, об учителях моих, о которых мы говорили, о московских моих друзьях, о сверстниках и современниках.

— Вы недавно вернулись из поездки в родные места...

— Да, с Саином Муратбековым и Аманжолом Шамкеновым мы побывали в трех районах Павлодарской области. Особенно интересно мне было в Баянаульском районе (родители там мои выросли) и еще в совхозе имени С. Торайгырова. Я рад, что увековечено имя этого замечательного поэта на его родине, и я читал там стихи, посвященные ему. Мы выступали в домах культуры, в клубах, в школах. И вот сидим както в школе, ребята собрались, их родители, и я вдруг явственно вспомнил свою школу, будто даже голос учителя услышал: «Бекхожин, к доске!». Я встаю, а у меня из-за пазухи голубь — ф-р-р. Я очень любил голубей. Наверное, такие воспоминания возможны только в родных местах.

— В будущем году страна отметит 30-летие освоения целины. Вы побывали на своей обновленной Павлодарщине, у вас немало произведений посвящено целине. Расскажите, как повлияла эта тема на ваше творчество.

— Видеть родную, обновленную степь и не писать об этом невозможно. Еще в первые годы целины сложилась поэма «Мои земляки», в которой я пытался осмыслить происшедшие перемены. Ведь здесь когда-то были большие исторические события, и вот новая эпоха, с ее грандиозными делами. Поэма выходила и на казахском, и на русском языках. Но я считаю ее незавершенной, я вернулся к ней и хочу к юбилею целины познакомить с нею своих земляков, перед которыми всегда в долгу.

Беседу вела
Л. ШАШКОВА.